

Труж. - 1992. - 18 апр.

Валерий Приемыхов после окончания Дальневосточного института искусств работал актером в театре, затем поступил на сценарный факультет ВГИКа. Счастливым оказался творческий союз Приемыхова с режиссером Динарой Асановой, снявшей по его сценариям фильмы «Никудышная» и «Милый, дорогой, любимый, единственный...». В ее картинах он выступал и как актер. Огромный успех и признание принесла Приемыхову работа в картине «Холодное лето 1953 года», где он сыграл Лузгу.

Несколько лет назад Приемыхов вновь стал дебютантом, поставив по своему сценарию фильм «Штаны». Его новая режиссерская работа — фильм «Мигранты», герои которого — молодые люди, провинциалы Павел и Полина ищут счастье под небом для них московским небом. Недавно картина была с успехом показана на Берлинском фестивале и на смотре авторского кино в Сан-Ремо. С этой работы и началась наша беседа.

— В «Мигрантах» вы сыграли одну из ролей, во многом ключевую для картины. Ваш герой, пытаясь защитить своего юного товарища, погибает в схватке с бандой подонков. Пожалуй, никогда еще ваш взгляд на окружающий мир не был так горек, пессимистичен, порою — безнадежен.

— Стало быть, я меняюсь. Время меняется, климат общественный. Мы погружаемся все в большую и большую безнадежность. Бессмысленные усилия губят нас. В «Записках из мертвого дома» Достоевский писал, что человека, в принципе самое выживаемое существо на земле, можно убить бессмыслицей, заставив его утром выкапывать яму, а вечером закапывать ее. Но дай ему рыть землю до центра земного шара — он будет трудиться и не погибнет...

— Мне вспоминаются прежние ваши герои, волевые, исполненные действия. Особенно Павел Антонов в «Пацанах». Между тем это было сыграно в начале 80-х годов, в самый пик застоя.

— Павел — фанатик, энергично отстаивающий дорогие для него нравственные ценности. Странно, но тогда было что защищать, сопротивляясь тупости, окостенению души, «сну разума», в который нас старались затолкать. Не сопротивляться той мертвечине означало дать умереть самому себе, обресть себя на медленное и верное самоубийство.

— Однако наш страшный исторический опыт вынуждает к особой настороженности относиться к фанатизму, ощущающим себя благодетелями человечества, к их твердому знанию истины в последней инстанции, желанию как можно скорее ослепить возмужавшее большинство людей. Что делать с их готовностью карать зло, приводившее в итоге к тому, что ожидаемый рай земной превращался в архипелаг ГУЛАГ, а «врагом народа» становился... весь народ?

— Важно не перейти черту, не проявить полную эмоциональную глухоту и слепоту, помнить, что чужая жизнь — всегда святыня. И все же без фанатиков, без их одержимости, преданности высшей цели мир был бы хуже, чем он есть.

В первые годы перестройки я был готов насмерть сражаться за идеи Горбачева. Думалось: наконец-то пробил час свободы, мы глубоко вздохнем, устремимся вперед, объединенные прекрасной мечтой, которой давно будет свершиться... Да просто заживем по-человечески. Но...

В середине 80-х годов я снимал в Сочи фильм «Штаны». Моим консультантом был начальник городского УВД. Я все ему толковал: дескать, хорошо, что зарождаются кооперативы, есть в этом что-то обещающее — нас могут спасти только новые

экономические, хозяйственные структуры. Он же печально смотрел на меня, такого простодушного, и отвечал: «Все сочинские преступники, которых

встретили они киногруппу отнюдь не благосклонно. Но Динара сумела убедить их, что мы хотим только правды.

Сегодня молодежь другая. Наши недобрые, неискренние, безлюбные отношения не могли не повлиять на них. Десятилетиями унижалось человеческое достоинство, уничтожалась мораль. Бесправность утверждалась как норма, беззаконие — как закон. Этот груз лег на плечи моей генерации, а уже рикошетом — на очень мощным — на детей.

— И живет нынешней молодежи скверно, что греха таить.

— Конечно! Она не имеет того, чем по идее должна обладать: машин, мотоциклов, красивой одежды, нормальной, вкусной еды, полноценного отдыха.

Валерий ПРИЕМЫХОВ:

«Я ВЕРЮ, ЧТО КОНЧИТСЯ ТЬМА...»

я знаю, нынче подались в кооперативы! Сегодня, к сожалению, правота, мне кажется, во многом на стороне моего оппонента.

Мне нелегко и потому, что я постоянно ощущаю некий груз ответственности за своих героев, за то, к чему они звали. Я, например, не люблю нынешнего Василия Аксенова: он как бы обманул меня, своего бывшего читателя. В ранней юности я не просто влюбился в его первые повести, не просто умирал от нетерпения, ожидая очередной номер «Юности», где он тогда печатался. Я вырос с его «Коллегами», его «звездными мальчиками», с теми, кто в годы «оттепели» мне столько объяснял, сказал, научил. Но потом Аксенов посчитал, что литературные экзерцисы авангардистского толка важнее, интереснее того, с чем он пришел к нам, благодаря чему был действительно дорог. А между тем слова Фолкнера «я учу людей мужеству жить» имеют отношение к каждому художнику.

— Сегодня большинство из них растеряно, многие просто молчат. А ведь подросло, подрастает новое поколение. Может быть, эти юноши и девушки нынче так же идут от писателей, кинематографистов главных для них слов, мыслей, идей, как когда-то вы ждали повести Аксенова. Мне кажется, для вас это особенно существенно: с тех пор как вы начали работать с Динарой Асановой, ваши фильмы, ваши герои всегда обращались к молодежи.

— Динара умела смело доверять прежде всего самой жизни. С ней было непросто, но необыкновенно интересно. Наша встреча — во многом поворотная точка в моей судьбе. До конца я это понял, когда Динара не стало.

Она была бесстрашной, наверное, поэтому ей верила молодежь — и та, которую она снимала, и та, которая смотрела ее картины. В «Пацанах» играли ребята, можно сказать, отпетые, «трудные», как принято таких называть. Надо сказать,

ее отучили или отлучили от книг, их заменил видеомаразм, который она смотрит. Мы опирались на огромный духовный опыт, черпая его из литературы, из кинематографа, из театральных спектаклей, музыки. Все это исчезает катастрофически. С телевизионного экрана молодежи предлагают безвкусные клипы, оружие рок- и поп-группы, ничтожные в основном фильмы.

— И бесконечные беседы на политические темы.

— Причем нередко они звучат в устах людей, которым давным-давно никто не верит. «Железные леди» от перестройки все время требуют, осуждают, а взамен им предложить нечего!

А как стараются на телевидении сексологи! Уверяют, что все наши беды оттого, что мы, несчастные, сексуально необразованы. Между прочим, индусы или жители Тибета очень хорошо образованы в этом плане, но почему-то особенно счастливыми их тоже не назовешь. Я с ужасом слушаю призывы таких телевизионных провозвестников: «Надо в конце концов перестать видеть в отношениях мужчины и женщины нечто за семью печатями, все это обычный физиологический акт...». Помилуйте, господа, человечество столетиями выбиралось из первобытного состояния, пока пришло к великой тайне Любви, зачатия, рождения нового человека. Воспелось это в самых прекрасных произведениях литературы, искусства. И вот выясняется, что все это — не более чем физиология.

Допустим, я — взрослый человек, меня уже не собьешь, но ведь это слушает и моя пятнадцатилетняя дочь. Я вспоминаю слова Вернадского о том, что мы не знаем, к каким горьким последствиям научно-технической революции придет. Для меня эти последствия — и сегодняшний телеэкран.

— Вероятно, немалую лепту в процесс деморализации, особенно молодежи, внес и современный кинематограф. Стало общим местом говорить или писать о потоке «чернухи», о разгулявшихся на экране пугающих, рэкетирах, мафиози и прочей нахлебке. К сожалению, пока мы редко всерьез задумываемся о том упоении, с каким сейчас смакуются силы зла едва ли не в каждом фильме. Зло становится обыденностью, если не нормой! По сути, происходит прививка самых черных болезней, нередко в смертельно опасных дозах.

— Ситуация в кино — еще одно крушение наших перестроечных ожиданий. Поначалу я был убежден: сейчас, в крайнем случае завтра, явится в литературе, в кинематографе, на сцене нечто великое и совершенное, соответствующее новому вели-

человеческому, но я всегда выбираю нечто близкое и важное для себя, возможно, еще не сказанное мною в драматургии.

— Не так ли было с Лузгой в «Холодном лето 53-го...»?

— Да. К той эпохе, которая запечатлена в «Холодном лето...», я отношусь как к живой, непосредственно соприкасающейся с каждым из нас. По существу, это было личностное высказывание всех, кто работал над фильмом.

— Для меня самое дорогое в Басаргине — способность человека и пробуждению, и жизни в соответствии с подлинными представлениями о человечности, вере, чистоте. И, конечно, ваша способность не смешивать трагическое с безнадежным — сейчас это стало особенно дорого нам, отчаявшимся, опустошенным и опустошаемым течением времени. А смогли бы

поступить подобно Басаргину ваши молодые герои, Павел и Полина из «Мигрантов», несмотря на всю их ненависть к своей стране?

— В великой нашей державе все мы были «лимитой», так уж устроили нашу жизнь основатели будущего светлого царства коммунизма. С детских лет вколачивали нам в голову мысль о любви к Родине, вбивали в мозги высокие гражданские постулаты — ничем не обеспеченные, фальшивые и безумные. В таких обстоятельствах не может быть истинной любви к Отечеству. Но ведь у каждого есть то место на земле, где он родился, воздух, которым он дышал... Для меня это Дальний Восток, для кого-то — Украина, для кого-то — Туркмения... Можно ли все это забыть, отбросить? Кто-то, наверное, может, но это равносильно отречению от отца, от матери. Нас заставили жить так, что молодежь готова от всего отречься, только бы убежать за моря, в страны, где сладко едят и пьют.

Правда, ребята, в том числе и мои герои из «Мигрантов», не понимают, что бежать им, по сути, некуда.

— Мы заблудились. Выберем ли мы?

— Должны выбраться, приходят новые Павлы и Полины — сироты на родной земле. Для них должна кончиться тьма, в которой мы так долго жили и до сих пор живем. Я верю, что и в этих несчастных, обездоленных двадцатилетних есть потребность в любви, в единении, в продолжении рода. Они живы, их невозможно превратить в роботов. Для меня эти искры живого — самое главное, дарующее малую толику надежды. Иначе нет смысла писать, играть, снимать картины...

Беседу вел
Э. ЛЫДИНА.